

Ши И лишился дара речи.

Как Цзян Чжу вообще оказался у него дома — и при этом умудрился залезть в шкаф?

С тех пор как этот мальчишка вырос, визиты в гости можно было пересчитать по пальцам. Уговоры не помогали, хитрости — тоже, давление — и подавно. Ши И уже начал всерьёз подозревать, что его собственный дом производит на Цзян Чжу впечатление логова людоеда. Было и досадно, и смешно одновременно.

А потом, после того случая, Цзян Чжу и вовсе начал его откровенно избегать — завидев Ши И в коридоре, разворачивался и уходил, слова нормального было не добиться. О визитах речи быть не могло вовсе.

— Ты как здесь оказался? Вылезай, там же не продохнуть... — Ши И нагнулся, протянув руку — и почувствовал, как его ладонь накрыли чужие пальцы.

Шкаф был самым обычным. Верхняя полка забита невоstreбованными одеялами и одеждой, свободного пространства почти не осталось. Цзян Чжу сидел, поджав колени к груди — почти метр девяносто, сложившийся в тесный узел, — и выглядел до того жалко, что хотелось немедленно что-нибудь сделать.

Сейчас обе его руки удерживали запястье Ши И — бережно, почти трепетно. Словно держали что-то хрупкое и драгоценное, боясь раздавить.

Цзян Чжу смотрел на белую руку у себя в ладонях. Подушечки пальцев медленно скользили по тёплой коже — от центра к основанию, потом к костяшкам, потом к кончикам — снова и снова, будто на ощупь изучая что-то совершенно незнакомое. Почти благоговейно.

Прикосновение было таким лёгким — точно перо провело по коже, — что зуд добрался до самых костей. Ши И невольно дёрнулся, пытаясь отдёрнуть руку — хватка тут же чуть усилилась. Не больно. Но и не вырваться.

Цзян Чжу склонил голову. Нос сменил пальцы: он проводил им по тем же местам — медленно, дюйм за дюймом, — потом чуть pokrутил носом и глубоко втянул воздух.

Ши И чувствовал, как его ладонь обдаёт то прохладой выдоха, то влажным теплом. Что-то вязкое поднималось в воздухе. Даже дышать стало иначе.

Щёки занялись сами по себе. В детстве, когда Цзян Чжу липнул к нему сильнее всего, — и тогда между ними не было ничего подобного. А теперь он взрослый, дифференцировался в Альфу, и это...

Это слишком.

Но то ли рука была зажата слишком крепко, то ли Ши И просто растерялся настолько, что потерял способность реагировать, — он так и стоял столбом, не двигаясь.

Цзян Чжу, видимо, вполне удовлетворился тем, что учуял. Медленно поднял голову — взгляд блуждающий, слегка потерянный — и долго смотрел на Ши И, прежде чем шевельнуть губами:

— Ши И?

У Ши И перехватило горло. Слова куда-то делись.

Цзян Чжу и без того был красивым — после дифференциации вытянулся, черты лица обрели чёткость: глубоко посаженные глаза, высокий нос, тонкие выразительные губы. Обычно, не улыбаясь, он казался отчуждённым и резким — что-то почти хищное жило в линии скул, в безразличном взгляде. Красота с острыми краями.

Но сейчас всё это смягчилось. Взгляд потерял колкость — туманный, тёплый, — подбородок лежал у Ши И в ладони, и было в нём что-то такое... чистое и незащищённое, что на секунду чужое лицо почти совпало с тем, детским.

С тем, что звал его тихим "братик". Шёл следом, не отставая ни на шаг. Орал во весь голос, когда не мог его найти. Вытирал губами маленькие ссадины, хлюпая носом после чужой драки...

Боже, ну и дела.

Цзян Чжу почувствовал, что ответа нет, и чуть занервничал. Потянул запястье Ши И к себе, взгляделся с обеспокоенным прищуром — и снова позвал, совсем тихо:

— Ши И?

Голос мягкий. Почти просящий. Ши И ощутил, как что-то сжалось в груди.

— М-м... — Он закрыл глаза, уклоняясь от обжигающего взгляда, и слегка повернул голову. Из горла вырвалось короткое мычание; кончики ушей, спрятанные в волосах, залились розовым.

— Ши И... — Цзян Чжу наконец успокоился. Шёпотом повторил имя ещё раз — и ещё, — потом извлёк из своих объятий плен, которым так старательно берёг, и бережно потёрся носом о мягкую ладонь.

Потом повернул голову и прижался щекой к этой же ладони.

Ши И вздрогнул от неожиданного ощущения. Обернулся. И окончательно утратил способность соображать.

— Ты... что ты делаешь? — хрипловато спросил он.

Ответа не последовало.

Ши И пошевелил запястьем, пытаясь высвободиться, — и почувствовал, как щека Цзян Чжу скользнула по его ладони. Прикосновение оказалось таким неожиданно мягким, что Ши И немедленно застыл.

Цзян Чжу, похоже, расценил это как игру — и, сочтя, что Ши И стоит смирно, сам подался вперёд, тихо и монотонно бормоча:

— Ши И, Ши И... Ши... И...

Прилипчиво. Снова и снова. Только два слога.

Тут Ши И наконец пришёл в себя — и понял, что что-то не так.

Всё не так. Катастрофически не так.

Не говоря уже о том, что в последнее время Цзян Чжу избегал его так старательно, будто Ши И был разносчиком чумы, — даже в лучшие времена, до всей этой размолвки, он не позволял себе ничего подобного. Держал дистанцию. Всегда. Непроницаемое лицо, холодная вежливость, невидимая черта, которую не переступал никогда.

А теперь этот человек вдруг стал похож на ребёнка — на того ребёнка, которого уже давно не существовало. Только маленький был гораздо более сдержанным.

Плюс этот жар, явно выходящий за пределы нормы. Плюс странная зависимость от его запаха, которая и раньше вызывала беспокойство.

Он болен. Seriously болен.

— Вставай. С тобой что-то не то, поехали в больницу. — Ши И решился. Вцепился в него покрепче и рывком вытащил из шкафа.

Цзян Чжу встал посреди комнаты. Помолчал секунду. Потом раскрыл руки и шагнул вперёд.

Объятие получилось на удивление крепким — он вырос в здорового парня с недюжинной силой, — и теперь Ши И был намотан на него так, что двигаться стало физически невозможно.

— Прекрати. У тебя жар, нам надо в больницу. — Ши И попробовал вырваться. Безуспешно. Цзян Чжу только прижал его крепче, уткнулся носом в ямку на шее и шумно втянул воздух. Успокоился.

Ши И почти засмеялся. Ситуация была безнадёжная — звать кого-то из домашних при таком виде Цзян Чжу было решительно нельзя, — и он, не придумав ничего лучше, набрал Хань Вэньсюаня.

— Брат Сюань, Цзян Чжу что-то горит. Не привезёшь лекарства? Я дома.

— Хорошо, сейчас буду, — тот немедленно отложил всё, что делал, и потянулся за чемоданчиком. Но у двери остановился. — Подожди... ты сказал, он у тебя дома?

— Да...

Ши И пошевелил плечом — тяжёлая голова нехотя сместилась, перестав давить на кость.

— Тогда сначала опиши симптомы, — сказал Хань Вэньсюань, — чтобы я подготовился.

— Он стал... — Ши И слегка покраснел. Подбирал слова с некоторым трудом. — Ну, очень липким. Как маленький. Весь горит. Кажется, совсем поплыл. И ещё... странно зависит от моего запаха.

Долгое молчание.

— Сяо И... — произнёс наконец Хань Вэньсюань, и шаги его зазвучали быстрее. — Это не жар.

— Что? — Ши И не понял. Человек едва соображает, а это не жар?

— Кашель-кашель. Понимаешь, жар не меняет характер. Точнее — не меняет так кардинально. И потом, Цзян Чжу — он же никогда бы сам по себе не пришёл к тебе домой и не залез куда попало. — Хань Вэньсюань понизил голос. — А то, что ты говоришь про чувствительность к запаху... Сяо И, ты же сам понимаешь — у Альф тоже бывают особые периоды!

Ши И понял мгновенно.

Чувствительный период.

Нечто исключительно Альфа-специфическое. В это время они становятся уязвимыми и тревожными, их тянет к своему Омеге с почти болезненной интенсивностью — жажда близости, жажда запаха, гипертрофированная собственническая реакция. К этому добавляется раздражительность, эмоциональная нестабильность, полная неспособность слышать доводы.

Чувствительный период не имел фиксированного расписания: одни Альфы не переживали его никогда, другие — изредка, без всякой системы. В сравнении с ежемесячной течкой Омег это была почти пустяковая редкость, которой мало кто придавал значение.

Именно поэтому Ши И не распознал сразу.

И самое неприятное: никакого способа это остановить не существовало. Ни аналога подавителя, ничего. Не настолько серьёзная проблема, чтобы заниматься поиском лекарства, — нескольких дней рядом с собственным Омегой обычно хватало, чтобы всё прошло само.

— Слушай меня, я уже выхожу. — В голосе Хань Вэньсюаня появилась тревога. — Пока я еду — держи его в спокойном состоянии. Если что-то пойдёт не так — кричи на помощь, немедленно. Нет, подожди, я сейчас позвоню Цин...

Альфа в чувствительном периоде лицом к лицу с Омегой при стопроцентной совместимости — что угодно могло произойти. Пусть между ними и было что-то давнее и негласное, пусть Цзян Чжу ради Ши И сделал многое, — но кое-чему нельзя случаться вот так, в такой момент.

— Не нужно. — Ши И подумал и решил. — Брат Сюань, ложись спать. Я сам разберусь.

Альфа в чувствительном периоде враждебен ко всем — без исключений и без разбора пола. Любой, кто окажется на его территории, становится противником. Хань Вэньсюань заявился бы — и получил бы прямо в нос.

Кроме того, Ши И примерно представлял, что тот собирается сделать: в лучшем случае — мощный успокоительный укол, чтобы Цзян Чжу отрубился. Но его нынешнее состояние такого не выдержит.

— Но...

Договорить не получилось. Неожиданно протянутая рука перехватила браслет и оборвала вызов.

Цзян Чжу долго нёс на него безответно — и всё это время копил недовольство. Дождавшись, когда Ши И повернул голову, он ладонью накрыл ему рот.

— Не разговаривай с ним. — В голосе была твёрдость.

Ши И посмотрел на надутые губы, на самое несчастное в мире выражение лица — и злость куда-то испарилась.

Ну и с кем тут спорить?

Альфа в чувствительном периоде — чистой воды трёхлетний ребёнок. Таких надо уговаривать, а не давить: давление только усугубит ситуацию.

Ши И чуть приподнял подбородок, давая понять, что звонить больше не будет, — мол, отпущай. Цзян Чжу помедлил, потом медленно убрал ладонь. Взгляд скользнул вниз — прямо на губы Ши И — и он снова прикоснулся к ним, едва-едва. Потом чуть помял пальцем.

Жест был невозможно интимным. Ши И почему-то не смутился. Цзян Чжу сейчас был похож на маленького ребёнка — это была просто попытка быть ближе, вряд ли он понимал, что делает.

Ши И слегка отвернулся — пока тот не успел среагировать — и потащил его к кровати, похлопав по матрасу:

— Уже поздно. Давай ляжем, хорошо?

Слово "лечь" сработало мгновенно. Глаза вспыхнули. Цзян Чжу послушно повалился на кровать, подхватил подушку Ши И, прижал к лицу и глубоко втянул воздух.

Ши И смотрел без слов.

Ну и ну. Серьёзно считает себя трёхлеткой, которому нужна игрушка, чтобы заснуть?

Он решительно забрал подушку обратно и разложил её как положено. Цзян Чжу не обиделся: просто придвинулся следом и обнял самого Ши И.

Зачем нужна подушка, если рядом оригинал?

Они лежали лицом к лицу. Ши И чувствовал себя не в своей тарелке — слишком близко, слишком откровенно. Но стоило чуть отодвинуться, и объятие тут же становилось крепче — доноющей боли в пояснице. В конце концов он перестал сопротивляться.

Они смотрели друг на друга, не закрывая глаз. В тёмных глазах напротив жило только одно — он, Ши И, — и не осталось ни малейшей тени обычной отчуждённости. Ши И невольно потянулся рукой к уголку чужого глаза.

Цзян Чжу чуть повернул голову — и поднял подбородок. Тихо коснулся губами кончиков его пальцев.

Ши И вздрогнул.

— Ты... — Он помедлил, потом решился. Момент казался неожиданно подходящим.

Раньше нельзя было даже просто посидеть рядом по-человечески. Не говоря уже о нормальном разговоре.

— Почему ты взялся извлекать свои феромоны для моего подавителя? Принудительное извлечение — это же мука. Ты вообще думал?

Цзян Чжу медленно моргнул. Густые ресницы дрогнули. Помолчал немного, потом произнёс тихо — но с полной серьёзностью:

— Я хочу тебя защищать. Цена не имеет значения.

Что-то обрушилось на грудь Ши И — тяжело, без предупреждения. Дышать стало трудно.

Впервые с тех пор, как Цзян Чжу вырос, он открыто сказал это вслух.

Ши И не раз терял надежду — перед этим ледяным, недостижимым человеком. Но столько лет искренней заботы не отпускают просто так, и он продолжал тянуться — раз за разом, всё это время.

Он даже успел задаться вопросом: может, всё это — лишь его собственные фантазии, которым не на чем держаться?

Но Цзян Чжу только что признал вслух, что ему не всё равно. Признал — и при этом был готов платить за это собственным здоровьем.

Значит, его равнодушие может оказаться ничуть не меньше.

Только что-то вынуждает его отталкивать. Что-то, о чём Ши И пока не знает.

Он намеренно откинулся чуть назад и произнёс холоднее обычного:

— Да? А при встрече разворачиваешься и уходишь. Слова лишнего не скажешь. Ненавидишь меня — так зачем столько делаешь?

— Я не ненавижу тебя! — Цзян Чжу буквально подскочил. Полез вперёд, а Ши И отклонился назад — и так они двигались, пока тот не согнулся в неудобную дугу, прямо на краю акробатики.

Цзян Чжу исчерпал возможности и поступил прямолинейно: взял за плечи, уложил на матрас, навис сверху. Обе руки — по обе стороны от головы. Отступить некуда.

— Я не ненавижу тебя... — Он смотрел сверху вниз, бормоча почти бессвязно. — Как я могу тебя ненавидеть? Никогда не смогу...

Объяснение крутилось по кругу, не двигаясь с места. Видя, что снизу никакой реакции, — решил действовать иначе. Склонил голову — и осторожно коснулся губами лба Ши И.

Мягкое, тёплое, невесомое. Словно подарок.

Будто выжег там метку.

От этого прикосновения — нежного, как крылья бабочки, — у Ши И ёкнуло в груди. Даже самый недоверчивый человек почувствовал бы в этом движении что-то безоговорочно настоящее.

— Ладно. Я понял. — Ши И убрал его в сторону и отвернулся. Кончики ушей, судя по ощущению, готовы были воспламениться.

Он думал, что после дифференциации будет инстинктивно отстраняться от любой Альфы. Но вот стоял и смотрел, как этот человек методично нарушает все границы — и ни разу не подумал остановить его.

Наверное, потому что лицо у него было слишком непосредственным. Слишком напоминало того давнего ребёнка.

Цзян Чжу внимательно изучил его лицо, убедился, что злости нет, и послушно лёг рядом. Только руку убирать не стал — потянулся и тихонько провёл ладонью по щеке Ши И.

Ши И схватил его за запястье, собираясь остановить — и почувствовал что-то не то.

Он резко стянул рукав вверх.

Рука была вся в следах уколов — большие и маленькие, разной давности. Один, покрупнее, успел затянуться красным рубцом. Те, что поменьше, смотрелись как россыпь алых точек. А у основания ладони, над веной — свежая ранка, из которой ещё сочилась кровь.

— Кто это сделал? — Ши И сжал запястье, не давая убрать руку. Осторожно провёл пальцем по кровоточащему месту. Зубы стиснулись сами собой.

— Это твой отец? — Он вспомнил всё странное, что происходило в доме Цзянов. Картина складывалась сама собой. — Он плохо с тобой обращается? Не бойся. Скажи мне — я помогу.

Цзян Чжу поджал губы. Медленно потянул руку — убрал за спину. Видя, что Ши И по-настоящему расстроился, придвинулся и попробовал поцеловать его ещё раз:

— Не больно. Правда, не больно...

— Я спросил, кто это сделал!

Злость разгоралась. Этот человек и так еле держался на ногах после принудительного забора феромонов — а кто-то ещё умудрился навредить ему в таком состоянии.

Ши И был готов прямо сейчас отправиться в дом Цзянов и без лишних слов вытащить этого лицемера на улицу.

Но Цзян Чжу — даже сейчас, когда разум почти не участвовал в происходящем, когда всё шло от инстинкта и только, — крепко стиснул зубы и не проронил ни слова.

Только смотрел большими обиженными глазами — молча, не отвечая, не решаясь снова приблизиться.

Что же должно было случиться, чтобы молчание въелось так глубоко? Точно в кость.

Злость вспыхнула ярче. Ши И убрал его руку со своей талии и отвернулся, лёг спиной.

Несколько раз Цзян Чжу осторожно тянулся к нему — Ши И каждый раз молча отводил его руку. Весь его вид говорил: разговора не будет.

Он злился на себя — смотрел, как растёт этот ребёнок, столько лет рядом, — и не заметил. Не задавал вопросов, почему тот не хочет приходить, почему избегает.

Злился на Цзян Жэня — человека с мерзавцем внутри. Пусть и не главный виновник — но знал и молчал, пока его собственного сына делали вот таким.

И на Цзян Чжу злился тоже.

За то, что никогда не доверял. Хотя с первой же минуты — с той самой, когда Ши И подобрал

его, — он обещал. Обещал защищать. Всегда.

Нынешнее его состояние невольно вернуло Ши И к самому первому разу.

Ши И тогда было пять. Он орал и отказывался идти в школу. Ши Линь — человек из тех, для кого нежность была языком незнакомым, — попробовал единственный известный ему метод: пригрозил выкинуть все игрушки и мехи до единого.

Ши И, которого всю жизнь носили на руках и баловали, такого не выдержал. Поругался с отцом и выбежал на улицу, нырнул в первый попавшийся тихий переулок — и сразу же на повороте налетел на кого-то. Оба упали. Незнакомец долго не мог подняться.

Это был четырёхлетний Цзян Чжу.

— Прости, ты не ушибся? — Ши И встал, отряхнулся и потянулся помочь.

Лицо мальчика было всё в грязи, длинные волосы падали на лоб, закрывая половину лица — не разглядеть толком.

Он хлопнул по протянутой руке, поднялся сам и бросился бежать.

— Эй! Тебя что, не учили говорить "извини", когда налетаешь на человека?

Маленький Ши И немедленно закусил удила. Схватил беглеца за рукав — и не отпускал, пока тот не попросит прощения.

Тот брыкался отчаянно — бил и руками, и ногами. Только силы в нём не было никакой — как будто несколько дней не ел.

Пока они возились, из-за угла вынырнули несколько человек. Оценили ситуацию с первого взгляда и кинулись к мальчику.

Ши И не раздумывал ни секунды — вцепился в ногу ближайшего зубами. Тот взвыл и замахнулся — но тут как раз подоспел Ши Линь и успел вовремя.

Цзян Чжу прожил в доме Ши больше двух месяцев.

Поначалу он смотрел на всё вокруг настороженно, реагируя на каждый шорох. Любую еду, которую ставили перед ним, он не трогал, пока Ши И не попробовал первым — у него на глазах.

Желудок, судя по всему, не принимал ничего жирного и тяжёлого — рвало сразу. Организм, слишком долго голодавший, не умел брать столько сразу.

По ночам он сворачивался в углу и не смыкал глаз до рассвета. Если всё же проваливался в сон от усталости — просыпался от любого звука, снова напрягался, снова готовился.

Ши И нашёл выход сам: взял своё одеяло, подполз к углу — медленно, не торопясь, — набросил поверх и осторожно обнял.

Каждое движение — медленное, нарочито заметное: чтобы тот видел, что угрозы нет.

Только в этих объятиях, пахнущих детским молоком, Цзян Чжу наконец заснул по-настоящему.

Ещё несколько дней — и после немалых усилий Ши И сумел переманить его на нормальную кровать. И наконец оба спали спокойно.

Ши И впервые в жизни оказался рядом с кем-то меньше и слабее себя — тоненький, как кот, явно хлебнувший лиха. Что-то в нём проснулось — что-то похожее на братский долг. Он таскал ему всё лучшее, что было у него самого: игрушки, угощения, всё подряд.

Не хочет есть — брал маленькую ложку и кормил сам, как мама.

Вырвало — вёл в ванну, переодевал в свою одежду, потом тащил обратно играть. Без упрёков, без раздражения.

Постепенно Цзян Чжу начал оттаивать. Начал искать его сам.

Так могло бы продолжаться долго — семья Ши могла позволить содержать ещё одного ребёнка без всяких усилий. Но явился Цзян Жэнь.

Сказал, что это его пропавший сын. Что когда-то похитили, что долго искал. Плакал. Предъявил генетическое подтверждение.

Деваться некуда — Цзян Чжу был обязан вернуться домой.

Пусть Ши Линь и занимал высокое положение — отнимать чужого ребёнка всё равно было невозможно.

Ши И рыдал долго. Но поделать ничего не мог. Единственное, чего он сумел добиться от отца: пойти в школу — только если Цзян Чжу тоже будет там учиться.

Это устроили без лишних хлопот: по имперским правилам детей брали с пяти лет, Цзян Чжу чуть не дотягивал, но при небольшом содействии — задача пустяковая. А Цзян Жэнь, стоявший на несколько ступеней ниже Ши Линя, из одного только желания угодить согласился бы на всё.

Они встретились снова в школе.

Цзян Чжу стоял такой же закрытый, как в первый раз — холодный, далёкий, ни единой трещины в панцире. Ши И решил, что маленькие дети просто быстро забывают: разлучились ненадолго — и всё, не узнаёт. Пришлось заново знакомиться — методично, несерьёзно, понемногу завоёвывая доверие. Получилось. За ним потянулся хвостик.

Ши И в то время руководствовался простым правилом: того, кто тебе дорог, — защищай. Он объявил всем вокруг, что Цзян Чжу — его человек, человек семьи Ши. Слухи переврали по-своему, обросли фантазиями — и в итоге пошло гулять что-то вроде "его суженый с детства". Ши И не возражал. За столько лет это стало само собой разумеющимся.

Теперь, если подумать, — та настороженность в глазах Цзян Чжу при первой школьной встрече, то, как он всё время старался держать дистанцию, — может, это была обида? За то, что Ши И вернул его туда, откуда он бежал?

Потом отношения потеплели. Но чем старше становился Цзян Чжу, тем снова начинал отдаляться. Почему? Что-то изменилось? Что-то случилось, чего Ши И не знает?

Он разворачивал эту мысль и так, и этак, не замечая, как к спине прижалось что-то горячее.

Раз Ши И не позволял обнимать — Цзян Чжу не обнимал. Но вытянул шею и принялся целовать его спину сквозь ткань пижамы. Потом выше — к лопаткам, к нежной ямочке на шее, к железам.

Ши И непроизвольно втянул голову в плечи. В этой позе, свернувшись чуть плотнее, он оказывался у Цзян Чжу прямо в объятиях — и, видимо, это было воспринято как разрешение, потому что тот снова обнял его по-настоящему.

— Не злись. — Голос — низкий, почти просящий. Продолжал тихонько тереться о чувствительное место. — И не игнорируй меня. Ладно?

В интонации — хныканье. На выдохе. Как будто вот-вот заплачет.

В детстве, когда напроказничает, он точно так же просил прощения: со слезами в голосе, тихо и жалобно — "не злись и не молчи..."

И Ши И всякий раз сдавался.

Сейчас тоже.

Что-то ударило его в грудь изнутри — глухо, ощутимо — и принялось сжимать. До боли, почти до онемения.

Молча он накрыл ладонью его руку на своей. Принял это.

Цзян Чжу обрадовался — прижал крепче, уткнулся лбом в ямку на шее, потёрся — щекотно, до смеха.

В конце концов Ши И, совсем замученный этим нескончаемым ласкательством, повернулся обратно. Ухватил его за ухо и дёрнул несильно:

— Мелкий негодяй. Всё к железам лезешь и лезешь — метить меня собрался?

Вопрос был с умыслом. Тот однозначный отказ в лаборатории всё ещё саднил.

Пусть в его чувствах к Цзян Чжу было больше родственного — защитного, братского, — но быть вот так открыто отвергнутым он всё равно не мог принять.

Цзян Чжу завис. Глаза медленно обошли вопрос по кругу, будто взвешивая каждое слово. Потом — покачал головой.

Ши И помрачнел.

Цзян Чжу, будто испугавшись, что не заметили, покачал ещё раз — настойчивее.

— Не могу, — произнёс он тихо. Опустил голову. Поджал губы — виновато и безнадежно одновременно. — Я не достоин. Не могу быть тем, кто...

Больше ни слова. Как и с предыдущим вопросом — тупик.

Одни и те же две фразы по кругу — и больше ничего. Слушать это было почти физически больно.

Ши И сам притянул его к себе и начал медленно похлопывать по спине — как делал много лет назад.

— Всё. Не думай об этом. Это я виноват, что спросил. Спи...

Цзян Чжу затих. Свернулся у него на груди — послушно, доверчиво, — и смотрел широко открытыми глазами, в которых было всё то же, что и пятнадцать лет назад в ту ночь в углу.

Ши И накрыл ему глаза ладонью. Не переставал похлопывать по спине — ровно, успокаивающе, — пока дыхание не выровнялось окончательно.

Он давно стал крупнее и выше — неудобная поза, и оба это понимали. Но никто из них не двинулся с места.

Ши И лежал, уткнувшись носом в густой молочно-сладкий запах, и думал.

Обычно от Цзян Чжу пахло клубникой. Почему сейчас — молоко?

Он попробовал вспомнить точнее: в клубничном запахе всегда была какая-то вторая нота. Слишком лёгкая, едва уловимая — не разобрать. Теперь понятно: молоко. Просто обычно оно перекрывалось клубникой.

Значит, этот тип — клубника с молоком?

В обычное время — больше клубники, в чувствительный период — больше молока?

Ши И почти засмеялся.

С таким ледяным характером — и такой... сладкий запах?

Может, это он виноват — поил этого ребёнка клубничным молоком с детства, вот и просочилось в феромоны?

Додумать до конца он не успел. Мысли разбрелись, напряжение дня отпустило — и Ши И тоже провалился в сон, обнимая что-то живое и тёплое.

Утром Цзян Чжу всё ещё спал — видимо, силы были на нуле.

Ши И осторожно встал, не разбудив его, и спустился в столовую. Хэ Ваньшу уже накрыла завтрак. К удивлению, вся семья была в сборе — кроме Ши Юя.

Тот после всей истории с домом так и не помирился со своими. Дни напролёт пропадал неизвестно где — и это уже никого не удивляло.

Ши Линь сидел во главе стола, просматривал новости. Услышал шаги — покосился — и снова уткнулся в экран.

Ши Цин поманила его к себе и подвинула тарелку: пышная вафля с кедровыми орешками и кукурузой, стакан клубничного молока. Всё его любимое.

Ши И неспешно отрезал уголок, прожевал. Задумался.

— Почему не в академии? — Ши Линь отложил коммуникатор, посмотрел поверх него с едва заметным укором в голосе.

— А, у меня пару дней назад снова была течка. Хочу переждать дома — вдруг ещё что-нибудь.

Ши Линь нахмурился сильнее. Тихо хмыкнул:

— Омеги...

Что последует дальше, Ши И знал наперёд — что-нибудь про слабость и беспокойство. Слушать это не хотелось — тем более с утра пораньше.

Он молча взял тарелку и стакан и направился к лестнице.

Почти столкнулся с мамой, несущей ещё одну миску.

— Осторожно! Куда уходишь, не понравилось?

— Ну что вы, мама, всё восхитительно! — Ши И подарил ей лучезарную улыбку. — Именно поэтому и забираю с собой — хочу наслаждаться не торопясь. На обед не ждите, я сам спущусь...

Когда он прошёл мимо, выражение лица Хэ Ваньшу изменилось. Она долго смотрела ему вслед, что-то соображая.

— Сяо И! — Она догнала его в несколько шагов, оглядела с ног до головы и понизила голос: — Цзян Чжу... как он?

Ши И едва не выронил тарелку. В первую секунду решил: обнаружила.

Но потом сообразил: мама давно не видела Цзян Чжу — просто спрашивает о нём.

— Всё хорошо, всё в порядке. Ладно, я пошёл! — И он почти взлетел на второй этаж.

— Что такое? — Ши Линь заметил её реакцию. — Со Сяо И что-то не так?

— Нет-нет... — Хэ Ваньшу выдавила улыбку и взялась за завтрак.

Войдя в комнату, Ши И обнаружил пустую кровать.

Поставил поднос, окинул взглядом комнату. Что Цзян Чжу никуда не ушёл — очевидно: густой молочный запах никуда не делся.

Ши И помедлил секунду, потом обернулся к шкафу.

Открыл.

Та же картина. Он вздохнул с кривой улыбкой.

Бывший отличник, воспитывавшийся как элитная Альфа, прекрасно знал, как это называется.

Гнездование.

Когда Альфа в чувствительном периоде не получает феромонов своего Омеги — инстинкт гонит его собирать предметы с его запахом, складывать вокруг себя, закапываться внутрь. Только так удаётся получить иллюзию безопасности и унять тревогу.

Видимо, Ши И слишком долго не возвращался.

— Я никуда не ушёл, честно. Просто ходил за едой. Выходи, позавтракаем вместе.

Цзян Чжу почти дался ему — потянулся следом — и вдруг резко остановился. Развернулся. Перехватил его запястье и прижал к стене.

— Что за запах?! — Голос был хриплым, глаза налились красным. — Кто был рядом?

Он наклонился и принялся методично обнюхивать его.

Ши И подумал. В гостиной были сестра и Ши Линь — оба высокорангованные Альфы. Конечно, он слегка пропитался их феромонами. Феромоны поддаются контролю, но в полностью расслабленной обстановке — в семейной, домашней — иногда немного просачиваются. Это не критично.

— Это сестра и отец. Свои.

Цзян Чжу чуть отпустил хватку, больше не давил. Но надулся ещё сильнее:

— Не хочу чужих запахов.

— И что с того? Я же не могу не выходить и ни с кем не... уф...

Слова оборвались — и Ши И сдавленно охнул, мгновенно обмякнув.

Этот собачий нюх — последние остатки разума всё же не позволяли ему метить, — но прямо сейчас Цзян Чжу прилип к чувствительному месту и впился в кожу по-настоящему!

Нервные окончания у желёз — тончайшие во всём теле. Даже лёгкое прикосновение там отдаётся по-особому. А уж это...

Насосавшись, Цзян Чжу ещё немного потёрся щекой о то же место, потом выпустил феромоны — плотно, слой за слоем, — запечатав Ши И в собственный кокон и вытеснив все посторонние запахи. После чего с видом человека, сделавшего важное дело, отступил на шаг.

Точь-в-точь маленький ребёнок, ставящий на любимую вещь личную печать. До смешного детски.

Ши И поднял руку и потрогал шею, которая всё ещё зудела. Глаза бы не смотрели.

Но... нельзя.

Он сейчас не в себе.

Терпеть. Терпеть. Терпеть.

Ши И вдохнул раз, другой. Подавил желание хорошенько его стукнуть — и повёл завтракать.

После еды они просто сидели и смотрели друг на друга.

Стоило Ши И чуть шевельнуться — Цзян Чжу тут же вскакивал и готовился идти следом.

— Да куда я не иду, клянусь тебе... — Бесполезно. Хвостиком плёлся повсюду. При малейшей возможности наваливался всем телом, как какой-то огромный коала. Таскать за собой столь основательный живой груз было решительно утомительно.

Но обед куда не денется — надо спускаться самому.

Просить маму принести невозможно: непредсказуемо, чем Цзян Чжу ответит на её появление.

— Я просто иду за едой. Совсем рядом, честно...

Не помогло.

Ши И вздохнул и на всякий случай нахмурился:

— Если не перестанешь — я и вправду уйду!

Цзян Чжу моргнул. Медленно опустил взгляд, отвернулся и снова свернулся клубком. Замер.

Ши И тихо выдохнул.

Ну разве мог он на него злиться по-настоящему?

Этот ребёнок вырос у него на глазах. Стольких лет заботы так просто не бывает.

Но ситуация — безвыходная. Действовать надо быстро.

В столовой его ждал сюрприз.

На его тарелке еды было в два раза больше обычного. Суп — тоже двойная порция.

— Мама, вы не перепутали случайно? Так много...

— Нисколько не много. Растёшь ещё, надо есть. — Хэ Ваньшу говорила спокойно. — Иди. Не хватит — спускайся ещё, я как раз много наготовила — если съешь, прямо помощь окажешь.

Ши И поднял бровь, но не стал тратить время. Схватил поднос и быстрым шагом поднялся обратно.

Хэ Ваньшу посмотрела ему вслед. Потянула носом воздух — в нём что-то изменилось, это было очевидно. Покачала головой с тихим вздохом и занялась уборкой.

Пустая кровать его больше не удивляла.

Ши И привычно открыл шкаф, продемонстрировал поднос:

— Видишь? Я же сказал — просто за едой. Никуда от тебя не уйду.

Цзян Чжу смотрел снизу вверх. Тонкие губы сжаты, во взгляде — что-то обиженное, детское.

— Выходи, поедим. — Ши И протянул руку — на этот раз та не двинулась с места.

Он постоял. Вспомнил, как мама в детстве уговаривала его самого.

Потом поднял миску и — без особого достоинства, но с полной серьёзностью — произнёс:

— Доешь — поцелую. Договорились?

Глаза вспыхнули мгновенно. Вся обида как будто испарилась — не осталось и следа.

Цзян Чжу уставился на него, тщательно взвешивая слова. Проверять на честность. Потом медленно поднял один палец.

— Один кусок — один поцелуй.

Ши И:...

<http://bllate.org/book/20113/1993479>